

Три человека сосредоточенно рассматривали мою физиономию.

— Годный материал — сказала остроносенькая брюнетка, покручивая в руках ножницы. — А что я тебе говорил! Конечно годный! Этот ты еще жопу ее не видела — горячился Семен. — Котя красавица, — подтвердил Глеб.

Я сидела на высоком стуле, в белом чехле по шею и таращилась на себя в зеркало. Мои волосы впервые были подкрашены и теперь отливали золотисто-бронзовым.

Стилист сохранила мягкую естественную волну моих завитков, только усилила ее воском, теперь копна волос выглядела не встрепанной соломой, а практически локонами.

— А давай ей длинные сделаешь? — загорелся Семен, — Во такие. И отмерил ватерлинию в районе своих колен.

Брюнетка скептически покосилась на лапищу Семена, заинтересовалась, скользнула взглядом по обтянутым джинсами крепким бедрам, повела носиком и облизнула алые губы аля Мерилин Монро.

— Нарощенные волосы такого цвета и фактуры как вышли ее естественные — невозможно подобрать. Хотите парик?

И подмигнула.

— У нас большой выбор. Пойдемте в подсобное, сами посмотрите и лично подберете. Девушка махнула рукой и, призывно покачивая бедрами, двинулась к дальней двери.

Тугодум Сема замотал головой. — Парик? Да ну его. Я натуральные люблю.

Глеб пихнул его локтем, сделал двумя пальцами кольцо, а другим потыкал в него, многозначительно двигая бровями.

— А с другой стороны, — передумал покладистый Семен, — чего сразу отказываться, посмотреть надо. На х... , зуб, так сказать.

И рванул за брюнеткой.

Глеб поулыбался им в след и нежно погладил мои новые локоны. Я ревниво крутила головой, подпрыгивая встать с кресла и бежать за Семеном. Почему-то было обидно, я ведь тоже годная, а он, раз, и за париками в подсобку.

На мой затылок лег тяжелый мужской подбородок. Невольно залюбовалась в зеркало на узкое, сухое, немного хищное лицо моего первого мужчины. Сердце сбилось и запустило более рваный ритм. Что бы там не мечтал Семен, а стал он вторым. Первым Глеб и только Глеб.

Я вредно фыркнула и мысленно махнула рукой. Ну о чем я думаю? Какая ревность? Кто они и кто я. Спасибо, что разрешают быть рядом и ласкают.

Моя мордашка расплылась в счастливой улыбке. Парень замер, затем осторожно двумя указательными поддел уголки губ и растянул рот, замороженно глядя в зеркало. Я сидела и послушно лыбилась,

— Вытащи язычок. Я вытащила как могла и побултыхала в воздухе. Попыталась облизать растягивающие пальцы. — Красавица, ты моя красавица. Сними накидку.

Я стащила накидку и отбросила ее в сторону. Глеб широко вдохнул ноздрями, и только только открыл рот, явно намереваясь что-то сказать, как дверь подсобки распахнулась и оттуда, застегивая ширинку, вылетел злой Сема.

— Чуть не отгрызла стратегические сантиметры! Театрально громко пожаловался он.

— Отгрызла?! Да что там грызть в твоём обручке! — за ним бежала красная в пятно брюнетка вполне аккуратного, нетронутого вида.

Сема вспыхнул. У Семена мало было незыблемых истин, но идеальность длины его члена в истины входила первой строкой. Поэтому наш друг тут же «забрызгал вентилятор».

— ЧтоОоо?! — завопил он, — Да ты совсем охренела, зубастая блядь? Щас я помогу твоему стоматологу, были через ряд — станут в кучку. На тебя смотреть тошно, доска остроносая! Да я..

Нахмурившийся Глеб толкая меня в спину на выход, одновременно вытягивал сопротивляющегося Семена. Обе стороны вопили так, что уши закладывало. Вот что значит внезапное разочарование, подумала я, хватая куртку и вылетая в темную прохладу улицы.

Парни ругались, одеваясь на ходу. Семен жаловался, расписывая в красках, как «зубищи» чуть не стесали кожицу его «дубины».

Время было не позднее, но темно просто ух. Хорошо, гостиница рядом, народ наверное уже ужинать собрался. Хихикнула, глядя на включенно Семена, и тут же оказалась в медвежьей охапке.

— Смеемся, значит. Твоего наставника, опору и надежу безвинно калечат, а ты смеешься! — он цапнул за ухо и фырча, начал его теребить под мой счастливый смех.

— Куколка, — в ухо зашептали уже жарко, — мне нужна срочная помощь. Оближешь бойца? — парень прижал за бедра и потерялся пострадавшим воином, — Яйца каменные, аж болят. Перенервничал из-за этой твари.

На перенервничавшего здоровяк даже близко не походил, но бойца мне самой хотелось пригреть. Рывком посадили на дворовую скамейку и жарко поцеловали, сососав и даже прикусив губы.

Оторвавшись от губ, и довольно ухмыльнувшись, Семен завозился с ширинкой, тихо матерясь, стараясь открыть ее максимально аккуратно, не повредив страдальца. Вокруг было темного и тихо до звона. Даже снег не падал. Только наше сбитое возмущенное дыхание и Семин мат.

Меня дернули за ноги, уложив на скамью. Кормить будут с комфортом, хихикнула я.

Глеб споро растегнул на мне джинсы и поддернул их до колен, задирая спеленутые тканью ноги на скамейки. Прохладные пальцы зашарили по промежности. Попке было холодно лежать на деревянных перекладинах, и я завозилась, пытаясь лечь на полу куртки.

— Сукаа, да когда ж ты растегнешься!?! — горестно вопил здоровяк, оттягивая молнию от эрегированного ствола. Молния оттягивалась, но не растегивалась.

А в меня ввинтились два жилистых длинных пальца. Покрутились и чуть согнулись в костяшках. Было немного сухо, пальцы царапались и отсюда неприятно.

— Глееб, а можно сразу членом? — жалобно пролепетала я.

— Хуем, — гордо поправил Глеб, — сейчас, котя, сейчас тебе будет хуй.

И действительно был хуй. Потому что одновременно произошли два события: отличное и ужасное.

Теплый гладкий член с приятной ноющей чувствительностью начал заходить в меня, раздвигая складочки, и выбивая подергивания в ножках. А во двор влетели три мужика с криками: «Держи их, вот они!».

Видно брюнетка нашла защитников и мстителей в трех лицах. Защитники выслушали

обиженную даму и помчали наносить добро. Трое на двое, конечно, справедливо. Не считали же они за боевую единицу золотолоконную нежную меня?!

Как там у мушкетеров. «Нас было двое, плюс раненный и юнец, а скажут, что четверо.» Так и у нас. Один прищемленный ширинкой, второй в процессе глубинного нырка в вагину, и еще одна с задранными ногами. Приехали, блин, провинциалы в Питер, культурную столицу.

— Ты как хочешь, а я занят, — прохрипел зашедший до упора Глеб.

— Пиздец Вам, мужики, — грустно сказал Семен, отпуская ширинку, и ринулся в драку.

Очень трудно сосредоточиться на трахе в эпицентре драки, скажу я теперь на опыте, и Глеб тоже не смог. Когда один из нападавших отлетел от удара друга на него, он горестно вздохнул, кое-как застегнулся и начал помогать Семену.

Именно помогать, потому что Семена допекли, Семену помешали. — Хорошая котя, возьми, еще немного, даа — подпевает Глеб.

Я смотрю как, поднимаются и покачиваются, фигуры нападавших. Но нас никто больше не трогает, они, хромя, убегают. А значит можно расслабиться, меня трясет от пережитого волнения, и парням это дико нравится.

После каждого икания и волны дрожи, они дуэтом стонут. Икну и стонет Семен. Задрожу бедрами и ускоряется Глеб. Во мне все хлюпает. Я горю на морозе, как факел, извиваюсь, принимая и даря в ответ.

Обняв Семена за бедра, я впиваюсь заглотив всего, прямо в основание члена, мятежно думая, что брюнетка в чем-то права, член не оглоблей, но какой же в этом кайф, брать его полностью.

Голова свешивается с края, и парень начинает буквально рычать. Ухватившись за спинку лавочки, он буквально вбивает отбойным молотком член в рот откинутой вниз головы. Расстегнутая молния больно царапает мне лицо, только добавляя остроты ощущений.

Снизу тарабанит как штырем Глеб. Они вместе что-то орут в небеса, мешая ругань и комплименты. Глеб находит какую-то точку удара, от которой я начинаю извиваться и визжать. — На! На! — он таранит туда, вбивает как молотком, сжимая мои бедра в клещи.

Я теку, прибавляя к хлопкам тел, визгам и рычанию — мокрые подхлупывающие звуки. И от особенно яркого удара, совмещенного с полным вхождением Семы, начинаю распадаться на части. конвульсирую и улетаю в небо. Боги, как же хорошо.

Парни держат мою трясущуюся тушку, упоенно стуча в визжащий текущий оргазм.

Мир состоит из искрящегося удовольствия между ног и хлопающих по лицу тяжелых яиц. Сумасшедше прекрасный мир. Я кончаю до мелкой дрожи в ногах, и текущей слюне из раскрытого в визге рта.

Небо раскрывается звездами, дергаеися, и надо мной нависают два эрегированных ствола.

— Язык наружу, соска. Это точно Семен. Мой не оправившийся после кайфа мозг соображает туго, но Семена узнает. Я вяло вытаскиваю язык.

По лицу, губам, щекам начинают тереться два члена. — Еще дальше, дай язык. Семен фиксирует мне лицо и со стоном, уже не сдерживаясь, начинает изливаться на вываленный язык. Сперма бьется о мягкую поверхность, наполняя вкусовые сосочки, и скатывается в горло. Офигено вкусно. Я глотаю теплую жидкость и вцепляюсь в головку, стараясь высосать последние капельки.

— Дай!

Меня буквально отрывают от члена, тут же предлагая другой. Пара трений о язык, стон, и в

рот бьют струи сладкого мятно-ванильного коктейля. В глотках приходит осознание, как же я подседа на сперму. Вот чего хотела последние часы. Вот что хочу и хочу, даже откушав изрядную порцию.

Сладкий мой десерт. Почти мурчу, глотая и покашливая от жадности.

Никакого ужина не надо, если так вкусно кормить. Облизываюсь как кошка, жмурюсь от удовлетворения.

Мне по-барски снисходительно разрешают облизать стволы и погладить язычком дырочки, из которых меня кормят изысканными вкусами. Посасываю, пока со смешками не отрывают от источником.

— Катюшка наша спермогурманка. Ха.

Приведение себя в порядок идет вяло, одежда никак не застегивается, комкается. Я то и дело покачиваюсь от расслабленности, и меня со смешками возвращают в вертикальное положение.

Мы бредем в гостиницу лениво перекидываясь воспоминаниями, кто и что чувствовал, когда на нас напали. — Они бегут, а, блядь, только пизду пробил. Как прирос, не хочу выходить и все. Хахаха. — Чуть не прибил уродов. Катька рот открыла, из него пар. Ты уже в пизде. Один я как дурак. Думаю, ну все, суки, порешу. Хахаха.

Огни фонарей и снующие вокруг гостиницы люди воспринимаются как внезапно открывшийся совсем другой мир. В нем мы чувствуем себя чужими, и парни даже несколько секунд размышляют — идти ли им на ужин. Но таки поужинать надо.

Пока они едят, я просто сижу на стуле и тиранию булку, отрывая от нее мелкие куски.

К моим защитникам тоже пришел откат, они задумчиво смотрят пойти ли за второй порцией, но вставать не встают. Круто мы погуляли. Пальцами стараюсь расчесать свои склеившиеся от спермы кудри.

— Принести картошки с говядиной? Или котлеты? — тихо раздается рядом.

— Картошкис говядиной, — согласно кивают молодые люди.

На столе появляются новые полные тарелки.

— И компот притащи, — следует распоряжение. — А мне сок вишневый.

Приносят компот и сок.

Парни довольно щурятся и едят. А я с удивлением смотрю как за столом скромно расположился невысокий вихрастый паренек — знакомый мне дрыщ-сосед по автобусу.

Он совсем не смотрит на меня. Мягко кивает в ответ на распоряжения, и послушно носит «унеси-принеси». Когда его большая сумка скромно залезает под наш стол, никто не протестует.

Эвон.

Глеб поднимает голову от тарелки. Твою мать, мы ж ей не заплатили. Я округляю глаза и прыскаю под задумчивый вывод Семена: — Так вот зачем мужики за нами бежали.

А что. Хороший день.